

СБОРНИК ТРУДОВ

ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ

1994 г.

**МОСКОВСКАЯ
И ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ЧАСОВЫЕ ФАБРИКИ XVIII в.**

Цели и задачи исследования

В собрании Политехнического музея имеется значительная коллекция часов и приборов времени. Формирование этого фонда, научные исследования по теме «Время и его измерение», создание постоянной экспозиции и выставок по этому направлению ведутся более 25 лет. Одна из задач собирательской и исследовательской деятельности музея посвящена часовому делу России — от зарождения до становления мощной часовой индустрии и науки в области хронометрии. В настоящее время в музее выделена самостоятельная коллекция, в которой представлены часы отечественных мастеров XVIII—XX вв., мастерских, кустарных промыслов и фабрик, торгово-промышленных объединений.

При паспортизации музейных предметов выявлено немало фактов, опровергающих общепринятые истины из истории часового дела России. Так, например, считалось, что в России до советского периода не было часовой промышленности. И немногочисленные исследователи даже зачатки фабричного способа производства часов относили к концу XIX в.

Историей часового дела России занимались несколько авторов. Это директор музея М.В. Ломоносова В.Л. Ченакал, составивший в 1972 г. список часовых мастеров России, работавших с 1400 г. по 1850-е гг. (Л.18). (Книга издана в Лондоне без ссылок на источники, что умаляет ее научную ценность). Научный сотрудник НИИЧаспром В.Н. Пипуныров, всю жизнь посвятивший изучению истории часового дела, в 1977 г. выпустил книгу «История хронометрии в России», в которой достаточно полно осветил некоторые стороны отечественного часового дела, другие же лишь обозначил. Например, В.Н. Пипуныров только упоминает о двух первых российских фабриках XVIII в., не давая названий архивов, в которых работал, ссылки на другие источники. Поэтому необходимо было вести собственные исследования для документирования этого периода истории отечественного часового дела.

В результате поисков удалось найти в Центральном государственном архиве древних актов подлинные документы, свидетельствующие о становлении часового дела России.

Целью работы является обобщение и систематизация найденных материалов, введение сведений о первых часовых фабриках в научный оборот. На основании новой информации, полученной в ходе исследовательской работы, можно будет организовать поиск памятников — часов, инструментов, оборудования, документов, относящихся к Московской и Петербургской фабрикам.

**История возникновения первых
часовых фабрик России**

Инициатива создания первых государственных («казенных») фабрик принадлежала графу Григорию Григорьевичу Орлову, президенту «Канцелярии опекунства иностранных». В декабре 1763 г. граф Г.Г. Орлов запросил «Коммерц-коллегию» о размерах ввоза в Россию из-за границы часовой продукции. В справке, представленной коллегией, были приведены сведения за три года — с 1759 по 1762 г. в Россию было ввезено стальных и карманных часов около 500 штук на сумму 14 074 руб. (Л.1, лист 11).

Изучив статистику, граф в январе 1764 г. написал доклад на имя Екатерины II с конкретными предложениями по организации в России часовых фабрик (Л.1, лист 11, оборот). Екатерина II начинание одобрила и в 1764 г. издала указ, в котором предписывалось создать в Москве и С.-Петербурге часовые фабрики, подведомственные «Мануфактур-коллегии» и ее конторам, а также пригласить для руководства фабрик иностранных фабрикантов.

В Центральном государственном архиве древних актов сохранились копии текстов контрактов, заключенных «Канцелярией опекунства иностранных» с «часового дела фабрикантом Робертом Журине из Женевы с товарищами Абрамом Сандо и Осипом Беземором Брудель» для заведения часовой фабрики в С.-Петербурге и с «часового дела фабрикантом Марком Фазием» для создания часовой фабрики в Москве. В контрактах было записано:

«1-е, для жительства их со всеми мастеровыми и учениками, и для произведения работ дать им казенный дом не мень-

ше осмнадцать комнат и оной ежели надобно будет вычинить и переделать по их показанию из казны, и впредь им оной чинить и содержать от себя.

2-е, на основание той фабрики дать им пятнадцать, да для вызову мастеровых с путевыми их издержками три, итого осмнадцать тысяч рублей заимообразно на десять лет без процентов уплаты в казну, по прошествии тех лет, в силу манифеста в три срока по равным частям (возвратить). — Прим. авт.).

3-е, подлежащие к той фабрике инструменты и протчие надобности, каких они здесь получить не могут, дозволять им привезти в первый год из иностранных мест безошлинно, выписывать им повсягодно на пятьсот рублей без платежа пошлин.

4-е, для обучения определить к ним из российских малолетних от двенадцати до пятнадцатипятилетнего возраста двенадцать человек и оным при фабрике быть безошлинно двенадцать лет. И с того времени первые шесть лет содержание им производить из казны, а потом они жалованье от них получать будут по искусствам своим... Ежели из них по определению в первые шесть месяцев окажутся которые непонятны, таких переменять другими способными.

5-е, по прошествии впредь тринадцать лет и по возвращению в казну денег ежели они пожелают ехать из России в том им не воспрещать, при котором случае они обязуются фабрику сдать кому повелено будет в таком состоянии, а учеников так изученных, что и без них на фабрике все отправляемо быть может и в мастерах больше никакой нужды не будет. Токмо за все машины и инструменты и протчие надобности, какие тогда при фабрике будут оныя впредь найдутся, выдать им по оценке знающих мастеров.

6-е, по сему контракту обязуются точно все то исполнять, что в нем прописано, не чиня либо каких в том пустых и вымышленных отговорок, или предоставлением точнее бы оной контракт напротив того содержать был и со стороны канцелярии опекунства иностранных свято и ненарушимо» (Л.7, лист 2).

Контракт был составлен очень грамотно. Он обеспечивал фабрикантам выгодные, льготные условия на заведение фабрики и в то же время отвечал интересам России — в течение нескольких лет подрастали грамотные российские специалисты — будущие работники фабрики и в случае отъезда ино-

странцев фабрику надлежало сдать полностью работоспособной.

Таким образом, в 1764 г. по Указу Екатерины II, одновременно в Москве и Санкт-Петербурге начали организовываться часовые фабрики.

Московская «казенная» часовая фабрика Марка Фази

В Москве, в соответствии с Указом Екатерины II и контрактом, заключенным в «Канцелярии опекунства иностранных», была организована часовая фабрика под руководством французца, выходца из Женевы, Марка Фази (Fazi, в материалах архива именуется Фази или Фацией). Он нашел дом «в Немецкой слободе, в приходе церкви Богоявления» и 2 ноября 1764 г. Мануфактур-коллегия дала разрешение и выдала из казны безошлинную сумму на приобретение, починку и перестройку дома, чтобы он был «способным для произведения разных работ». Для оборудования фабрики и изготовления как стенных, так и карманных часов Марк Фази в разные годы, в период 1764—1770-х гг., приобрел за границей и в России различные машины и инструменты. Например, «машины для делания часовых корпусов, для финифтяных часовых досок (циферблатов. — Прим.авт.)», «для вставления в вещи камня особые», «для делания колес, на которые в карманных часах цепочки наматываются (пружинные двигатели с фузейей. — Прим.авт.)», инструменты для золочения стрелок и других работ по изготовлению и отделке часов и корпусов. Во дворе фабрики Марк Фази построил кузницу с тремя горнами и башню с французскими башенными часами, у которых «на четыре стороны назначены часовые стрелы». Часовщики работали в нижнем этаже каменного дома, в двух мастерских с семью верстаками, тремя «стальными машинами» и «станами с инструментами». Для изготовления карманных часов был предусмотрен специальный верстак с «мелочными инструментами» (Л.7, лист 2; Л.2, лист 4, 21, 36).

На фабрику Марк Фази пригласил иностранных мастеров, и Мануфактур-коллегия в 1764 г., согласно контракту, прислала российских мальчиков, солдатских детей из Гарнизонной школы. Мануфактур-коллегия полностью оплачивала содержание и обучение детей — выдавала из казны деньги на приобре-

тение одежды, обуви, продовольствия, лечение. Мальчики обучались различным ремеслам. Например, часовое искусство осваивали Георгий Павлов, Иван Соловьев, Иван Шилов, Иван Засорин; «табакершное» — Афанасий Соловьев. На изготовлении корпусов и цепочек карманных часов специализировался Гаврила Шилов; Федора Михайлова готовили быть резчиком по дереву, Ивана Полева — мастером по изготовлению эмалевых циферблатов. Для этой цели его специально на четыре года посылали в Петербург, на фабрику Сандора Безимора и Журине. В 1768 г. Иван Полев вернулся с Москвой, обученный изготавливать «часовые с числами финифтовые доски». Специальности некоторых учеников в материалах архива не выявлены, но сохранились их имена: Иван Андреев, Алексей Новиков, Александр Зяблов.

Очевидно, обучение российских детей шло успешно. В 1773 г. истек шестилетний срок пребывания мальчиков на фабрике за «казенный счет», и Марк Фази обратился в Мануфактур-коллегию с просьбой проверить работу фабрики и аттестовать его учеников. В связи с этим Мануфактур-коллегия поручила своему сотруднику члену коллегии Приклонскому организовать проверку фабрики. Приклонский сформировал комиссию из «самых лучших цеховых часовых мастеров» Московского магистрата — Андрея Анжи, Ивана Дроздара, Ивана Зундберга. Комиссия пришла к заключению, что «ученики работают хорошим искусством, сделать часы в состоянии». В рапорте, поданном Приклонским в Мануфактур-коллегию, сообщалось не только об успешном обучении учеников, но и о состоянии фабрики, и об изделиях, обнаруженных на фабрике в момент обследования. Было выявлено 142 механизма карманных часов («часовых нутров»), 4 механизма стенных часов с релетиром, трое часов «белого финифтяного покрытия на английский манер» (карманные часы с эмалевыми циферблатами), а также много часовой фурнитуры — футляры к часам, корпуса, ключи, пружины, часовые стекла... (Л.2, лист 4, 24, 14, 15, 56).

О качестве обучения российских детей на фабрике можно судить еще и по тому факту, что Марк Фази вместе со своими учениками установил на Спасской башне английские часы, найденные под Грановитой палатой Московского Кремля в 1763 г. Несколько лет, начиная с 1766 г., фабрика была занята этой работой. Мануфактур-коллегия выделила на установку часов 14 556 руб. Один из учеников фабрики — Иван Засорин — с

14 июля 1776 г. постоянно следил за работой башенных часов. Ему был выдан Мануфактур-коллегией «беспрепятственный пропуск в кремль, чтобы он мог «чинить по мере надобности состояние на Спасской башне английские курантовые часы» (Л.5, лист 1 — 3; Л.6).

В 1778 г. истек 12-летний срок пребывания учеников на фабрике. К этому времени все они были обучены настолько, что могли работать самостоятельно и даже открывать собственное дело. Поскольку дела на фабрике шли плохо (о чем будет сказано ниже), бывшие «казенные» ученики обратились в Мануфактур-коллегию с просьбой отпустить их с фабрики. 10 марта 1780 г. российским детям с часовой фабрики Марка Фази были выданы документы, из которых следовало, что «заявитель сего, прежде бывшей московской часовой фабрики подмастерье (Фамилия, имя) в силу Повеления Правительствующего Сената, отпущен вечно для пропитания в разные российские города, где жить пожелает, с тем, чтобы ни в какие другие службы и в другие работы, кроме как чему... обучен не вступал. Тако и родившихся своих детей научал тем же искусствам, дабы навсегда могла быть от них чрез то в российский государстве польза» (Л.2, лист 56).

К сожалению, в многочисленных документах, хранящихся в архивах, не обнаружено сведений о том, как продукция фабрики реализовывалась, сколько часов выпускалось ежегодно и на какую сумму. Только по косвенным данным можно судить, что на часовой фабрике изготавливали дорогие часы, предметы роскоши. В отчете Марка Фази за 1765 г. Мануфактур-коллегия сказано, что фабрика закупала золото и серебро и «что для такой фабрики, какова есть моя, необходимо нужно». В «доношении» 1768 г. говорится, что только в 1767 г. фабрика вступила в настоящее производство и за один год изготовила, «кроме столовых, стенных и дорожных часов, одних карманных золотых разных — двадцать семь часов».

Работа на московской фабрике шла по принципу разделения труда. Одни изготавливали только детали часов, другие — корпуса, третьи занимались сборкой механизмов, четвертые отделкой готовых часов. Предполагалось, что ведущие мастера разных профессий будут выписаны из-за границы, об этом говорилось и в контракте 1764 г. С этой целью — найма специалистов и приобретения оборудования — Марк Фази отправил во Францию своего компаньона Франсуа Френе де Ферме, вручив ему полученные из казны 6500 руб. Однако

французское правительство к этому времени вело политику, препятствующую выезду мастеров из Франции. Франсуа Френе де Ферме был арестован вместе с одиннадцатью ремесленниками, нанятыми им для московской фабрики, а товар — инструменты и машины для производства часов — конфискован. Благодаря стараниям российской администрации: «Канцелярии опекуна иностранных», Мануфактур-коллегии, самого Марка Фази — Френе де Ферме был отпущен, но с тем условием, что не уедет из Парижа. Вернуть же конфискованное оборудование в Россию удалось только в 1768 г. и то не полностью, а на сумму 2400 руб., остальные 4100 руб., по существу, оказались непроизводительными затратами (Л.2, лист 4 оборот).

Каким-то образом Марку Фази все же удалось пригласить на фабрику несколько иностранных мастеров. В документах 1768 г. упоминается десять иностранных ремесленников, которые были «по большей части из Франции выписаны». Один из мастеров (имя не выявлено) был специально приглашен для руководства работами по «постановке на Сласскую башню часов» (Л.4, лист 1; Л.3, лист 86).

Однако в 1764 г. на часовой фабрике нужных специалистов не хватало, и именно поэтому ученик Иван Полев был послан для обучения в Петербург (о чем было сказано выше). В «доношении» по этому поводу в Мануфактур-коллегию от 11 сентября 1764 г. говорилось: «... содержит я часовую фабрику», а на оной финифтяного мастера не имею, которого выписать из Франции запрещается» (Л.4, лист 7).

Из найденных документов видно, что Марк Фази надеялся, что его фабрика будет работать так же успешно, как и подобные заведения за границей. Он прилагал много усилий, чтобы оборудовать мастерские, приглашал иностранных специалистов, обучал российских мастеров. Но с первых лет работы в Москве Марка Фази преследовали неудачи, приведшие в конце концов к краху этого предприятия. Громадные убытки принесла поездка компаньона Френе де Ферме во Францию. В 1765 г. Фази вынужден был обратиться в Мануфактур-коллегию за помощью на приобретение материалов и оплату мастеров, при этом он уверял: «...не зная на причиненные убытки, я продолжаю мою работу, дабы не учинить в фабрике остановки». В 1771 г. деятельность фабрики была парализована почти на целый год из-за «заразной болезни», обрушившейся на Москву. Эпидемия унесла жизни трех учеников.

Большие трудности фабрика испытывала и в 1773 г., когда истек шестилетний срок пребывания учеников на фабрике за казенный счет и Марк Фази должен был выплачивать подмастерьям жалованье. Все это, вместе взятое, привело к тому, что, когда в 1775 г. пришел срок внести первый взнос в счет погашения долга Мануфактур-коллегии за беспроцентную ссуду, у Марка Фази не оказалось необходимых 6500 руб. наличными.

Несколько лет Марк Фази боролся за свою фабрику. Он пытался погасить долг не наличными деньгами, а векселями своих должников — князя Мещерского, Шаховского и других, причем суммы, обозначенные в векселях, значительно превышали казенный долг. Однако, несмотря на это, имущество фабрики было описано и оценено комиссией, присланной Мануфактур-коллегией из Московского магистрата (Л.2, лист 24).

В 1778 г. российский подмастерья, бывшие ученики фабрики, обратились в Мануфактур-коллегию с просьбой отпустить их с фабрики, так как, во-первых, истек их 12-летний срок пребывания в часовом заведении Марка Фази, указанный в контракте, а во-вторых, они жаловались на очень малую зарплату, получаемую в последние шесть лет, после того как их перестали содержать за казенный счет. Мануфактур-коллегия отнеслась к просьбе бывших «казенных» учеников весьма серьезно и, как было сказано выше, выдала им свидетельства о полученном специальном ремесленном образовании. Сохранились документы, из которых видно, что в Мануфактур-коллегии думали даже о том, чтобы оставить фабрику и дом в Немецкой слободе российским мастерам — бывшим ученикам фабрики. Однако, рассмотрев эту идею с разных точек зрения, и прежде всего с экономической, Мануфактур-коллегия пришла к заключению, что фабрика, руководимая не очень грамотными подмастерьями, не сможет вернуть в казну денег, вложенных в это сложное производство. К этому времени Марк Фази уже продал все оборудование фабрики и Мануфактур-коллегия постановила учеников распустить, а «купленный для Фази дом продать аукционным порядком и те деньги в казну возвратить» (Л.2, лист 56).

Еще некоторое время Марк Фази боролся за возрождение фабрики. В 1779 г. он снова обратился в Мануфактур-коллегию с «доношением», в котором просил выдать ему паспорт для выезда в Женеву на один год, с тем чтобы подобрать мастеров для открытия новой фабрики. Дом же в Немецкой

слободе он просил оставить за ним. Марк Фази обещал через год дом выкупить за деньги, полученные по векселям князя Мещерского. Такое разрешение было дано. Через год Марк Фази вернулся в Москву и 3 июня 1780 г. выкупил дом. Мануфактур-коллегия разрешила отдать дом ему во владение, без права продажи и заклада земельного надела, но часовая фабрика так и не была восстановлена. Дальнейшая судьба Марка Фази в материалах архива не отражена (Л.7, лист 2; Л.10, лист 4).

Петербургская «казенная» часовая фабрика

Петербургская часовая фабрика была организована на тех же условиях, что и московская. По указу Екатерины II был заключен контракт в «Канцелярии опекуства иностранных» с фабрикантами, приехавшими из Стокгольма, — Робертом Журине (Robert Jurine), Абрамом Сандо (Abraham Sando) и Иосифом Басилье (Joseph Basielier) (Л.11, лист 1).

Кроме контракта с российской администрацией, иностранные предприниматели заключили договор между собой о создании ТОВАРИЩЕСТВА по управлению часовой фабрикой. В договоре были подробно расписаны все условия и взаимные обязательства, по которым они должны были расплатиться с казной, делить прибыль; рассмотрены вопросы, связанные с болезнью или смертью одного из компаньонов, выхода из товарищества или принятия новых членов:

«КОНТРАКТ ТОВАРИЩЕСТВА:

Иосиф Басилье — часового дела, Абрагам Сандо — резного дела, Роберт Журине — делания часовых корпусов мастера, женевиские уроженцы и тамошние жители, договорились между собою ТОВАРИЩЕСТВО в нижеследующем:

Отданную им троим из казны Ея Императорского величества без процентов на десять лет денежную сумму, 18 т.р., должны они друг за друга заплатить; иметь им равное участие в прибыли из того Товарищества и во всех пожалованных авансах.

Они же обязуются друг другу, каждый по своему таланту мочи, общую пользу помянутой фабрики наблюдать, а тому стараться, пока с Короною не расплатятся и до последнего сроку от Товарищества не отлучатся, дабы тем фабрике

урону не причинилось; разве который захочет из государства выехать, то когда исправный счет в настоящее разделение потребует, как прибыли, так и убыли, учинено будет ему и в том вольность иметь; а который отлучится для въезду в отечество свое, то уже никакого участия в фабрике капитала иметь не будет, а должен за отъезду своего заплатить две трети убыли, которая тогда может находиться.

Еще обязуются они буде один из них троих занеможет, или в несостоянии придет о пользе фабричной стараться, то прочие должны продолжить свое попечение и труды, не удержав себе от части большого ничего.

Да и никто другой не может в Товарищество ступить, без согласия всех троих.

Который же из них преступит выше помянутые пункты, потеряет свое участие из прибыли, коя из Товарищества выйдет, да и не сможет свою треть из данной на ссуду капитала взять; будет Товарищество во время преступления и убыли находится, то должен он заплатить свою часть, Товарищество будет каждый год сочинять отчет, дабы усмотреть прибыль или убыль. Прибыль же не делить до исхода Товарищества. На содержание свое договорились они, помесечно равную сумму брать.

Учиною в С-Петербурге июня 8 дня 1764 года.» (Л.13, лист 12).

Для фабрики был приобретен дом Чиркина на 16-й линии Васильевского острова. 10 августа Роберт Журине сообщил в Мануфактур-контору, что его товарищи Сандо и Басилье выехали в Женеву и Париж для найма мастеров и приобретения оборудования для изготовления часов. Еще раньше, в марте 1764 г., для этой цели Журине взял 10 тыс. руб. в «Канцелярии опекуства иностранных» из обещанной ссуды для заведения фабрики. Предполагалось вывезти из Франции и Швейцарии 12–14 ремесленников и в сентябре — октябре 1764 г. запустить производство. Пока компаньоны Журине были в отъезде, он надеялся начать изготавливать часы с местными умельцами, но не нашел «ни мастеровых людей, ни инструментов для сего художества». Все оказалось не так просто, как задумывалось. Петербургские фабриканты столкнулись с теми же трудностями, что и московские. В документах архива за разные годы постоянно мелькают записи: «на основание фабрики были великие расходы», «часового дела знающих работников достать невозможно», «в иностранных государствах

отпуща мастеровых людей запрещение сделалося». Поэтому поездка Сандо и Басилье оказалась такой же безуспешной, как и их московского коллеги Френе де Фермье, правда, обошлось без ареста и конфискации имущества. Из отчетов фабрики видно, что постоянно на ней работали три иностранных специалиста, причем мастера часто менялись. Очевидно, это были ремесленники, которые сами приезжали в С-Петербург и на какое-то время нанимались на фабрику подрабатывать. Только к 1769 г. петербургская фабрика обзавелась всем необходимым. В «доношении» Мануфактур-конторе сообщалось: «...прибыли, как фабрика еще вновь заведена никакой, а убыток от 1764 до 1769 годов было 6 тысяч рублей, а впереди надеются, как фабрика всем потребным снабжена, прибыль будет» (Л.12, лист 51, 106; Л.13, лист 62).

Фабрика на Васильевском острове находилась в трехэтажном каменном доме. Внизу, «где прежде были погреб», фабриканты разместили кузницу, специальное помещение с печью для плавки меди и комнаты, где «жительство имеют русские мастеровые люди» (российские дети, ученики фабрики. — Прим. авт.). В среднем этаже были мастерские для изготовления деталей часов, часовых корпусов, плавки золота и серебра и пять комнат, где жили иностранные ремесленники. В верхнем этаже в двух мастерских занимались сборкой и окончательной отделкой часов и в семи комнатах и пристройке сверху дома жили хозяева фабрики с «чадами» (Л.12, лист 40).

Впечатляет оборудование петербургской фабрики. Здесь имелись все необходимые машины и инструменты для изготовления как крупногабаритных — настенных, башенных, так и малогабаритных часов — карманных, каретных; машины для полирования и шлифования стали, станки для изготовления часовых колес — для вырезания зубьев, для полирования зубцов наружных колес; для изготовления проволоки; для изготовления часовых корпусов разных размеров; для вырезания медных валиков; для «завожения пружин»; инструменты для гравировки, золочения, эмалирования. Были приобретены два специальных стола для разметки циферблатов; весы для взвешивания золота и серебра, а также множество обычного ручного инструмента: ножницы для резки меди, клещи, пилы, тиски, резы. Постоянно фабрика закупала различные материалы, необходимые в производстве, — золото, серебро, желтую и красную медь, сталь, железо, финифть, различные краски. Всего к 1769 г. было закуплено оборудования на сум-

му 3200 рублей. Работа на фабрике шла по принципу разделения труда и каждая поmissione предназначалась для проведения одного вида работы — в одной комнате изготавливали только детали часов, в другой занимались сборкой, в третьей окончательной отделкой часов и т.д. (Л.12, лист 9, 33).

Российские ученики — 12 человек из Гарнизонной школы — поступили на фабрику 16 февраля 1765 г., из них трое оказались не способными к обучению часовому искусству и, согласно контракту, 25 апреля 1765 г. их заменили другими, более понятливыми. Выявлены имена учеников, работавших на Петербургской фабрике, — это Арафрей Алексеев, Ефим Дудкин, Иван Бирцев, Николай Афанасьев, Кондратий Казаков, Иван Шихов, Петр Басов, Филипп Колоколов, Михаил Никифоров, Андрей Медведев, Никита Оловягин, Гаврила Соловецкий (Л.12, лист 131—134).

В 1771 г., после шестилетнего обучения, учеников стали переводить на самостоятельную работу. Первые два месяца были льготными, им выдали инструменты и поручили работу по специальности, которой они были обучены. За это время Андрей Медведев изготовил 4 корпуса и футляра к карманным часам; Петр Басов — 6 карманных часов с цилиндровым ходом; Филипп Колоколов — 5 карманных часов; Никита Оловягин — одни столовые и одни стенные часы; Николай Афанасьев — одни карманные часы; Иван Шенгин — двое стенных часов; Гаврила Соловецкий (гравер) — сделал 8 циферблатов к карманным часам и нанес резьбу на двое золотых часов. В архиве хранятся прејскуранты расценок Петербургской фабрики на отдельные виды работ. Согласно этим нормам, в дальнейшем, российский подмастерья получали жалование. За изготовление в месяц:

4 комплектов черные изготовленных колес и пружин для карманных часов — 3 руб.;

за отделку указанного комплекта — 3 руб.;

за пуск в ход и полировку 10 карманных часов — 11 руб. 50 коп.;

за изготовление колес и пружин для 2 стенных часов — 16 руб. и т.д. (Л.13, лист 55, 57, 61). В 1775 г., по контракту, фабрика должна была выплатить первую часть долга «Канцелярии олекунства иностранных». В силу ряда причин, о чем будет сказано ниже, устроители фабрики не смогли выплатить необходимую сумму и обратились в Мануфактур-конто-

ру с просьбой продлить срок внесения ссуды на новое десятилетие. В связи с этим Мануфактур-контрора назначила обследование фабрики, чтобы установить ее финансовое состояние и, что самое главное, выявить, должным ли образом обучаются мастерству «казенные» ученики. 25 июня 1775 г. Мануфактур-контрора обратилась в Императорскую Академию художеств с просьбой направить мастера «для освидетельствования в часовом искусстве» учеников Петербургской фабрики. Из Академии художеств прислали Петра Нордштейна — часовщика, изобретателя, с 1773 г. руководителя часового класса в Академии художеств — первой в мире Академии, где давали высшее профессиональное образование часовщикам (Л.11, лист 22).

10 ноября 1775 г., после обследования фабрики и проверки учеников, Петр Нордштейн написал рапорт в Мануфактур-контрору, в котором сообщил, что «каждого ученика экзаменовал порознь» и определил:

Петр Басов изготавливает карманные часы с цилиндрическим ходом от начала до конца в совершенстве;

Филипп Колоколов делает «ординарные» карманные часы в совершенстве;

Михаил Никифоров, Гаврила Соловецкий, Ефим Дудкин изготавливают без отделки детали к карманным часам;

Кондратий Казаков изготавливает эмалевые циферблаты к карманным часам;

Андрей Медведев — корпуса к карманным часам;

Андрей Алексеев — «пендульные» часы (стенные часы с маятником. — Прим. авт.) и сам наносит позолоту на бронзовые корпуса;

Иван Шенгин, Николай Афанасьев изготавливают различные маятниковые часы.

После экзамена Петр Нордштейн пришел к выводу, что «вышеупомянутые ученики в делании часов без помощи других дополнительное знание имеют» (Л.11, лист 50, 51).

С первых лет своего существования Петербургская часовая фабрика выпускала довольно разнообразную продукцию — от предметов роскоши — карманных часов в дорогих корпусах, с бриллиантами, до обычных часов в дешевых латунных корпусах. Крупные часы тоже были на все вкусы — с боем и без боя, с репетиром, с боем четвертой часа. Кроме того, на фабрике изготавливали каретные часы и различные приборы, основанные на измерении времени, — шагомеры, верстOME-

ры. По заказам фабрика производила и устанавливала башенные часы. Имеются сведения об изготовлении часов для Гатчинской мызы — «поручили в 1775 году сделать часы в Гатчине за два года», установке башенных часов на Петропавловском соборе (Л.11, лист 135).

О номенклатуре выпускаемых на Петербургской фабрике изделий можно судить по рапортам, подаваемым ежегодно в Мануфактур-контрору держателями фабрики. Обнаружены ведомости за 1765—1768 гг. и за 1776—1779 гг. Данные, найденные в архиве, сведены в таблицу (Л.13, лист 55; Л.14, лист 1, 9, 12, 15, 19, 24).

Анализ выпуска часов за несколько лет работы фабрики показывает, что в первые годы существования выпускалось больше продукции и ассортимент изделий был более разнообразным, чем в последние годы, хотя, казалось бы, должно было бы быть наоборот, учитывая трудности организации фабрики, обучения российских детей и т.д. Данные показывают, что Петербургская фабрика, так же как и Московская, постепенно приближалась к своему краху.

Что же повлияло на спад производства и в конце концов привело к упадку Петербургской часовой фабрики, прекрасно оборудованной необходимыми машинами и инструментами, с обученными специалистами? Вызвало несколько причин, одна из которых — смерть Роберта Журине, последовавшая 25 ноября 1768 г. Вероятно, Роберт Журине был талантливым организатором и предпринимателем, его подпись стоит под контрактом, заключенным «Канцелярией опекуства иностранных» с Товариществом о заведении в С-Петербурге часовой фабрики.

Из приведенной таблицы видно, что именно в 1768 г. было выпущено наибольшее количество часов. После смерти Роберта Журине фабрика перешла по договору Товарищества в содержание двум оставшимся компаньонам — Абраму Сандо и Иосифу Басилье, о чем они уведомили Мануфактур-контрору 5 декабря 1768 г. В послании Мануфактур-контроре фабриканты подтвердили свои обязательства в том, что выданные им из казны деньги они вернут, как за себя, так и за умершего товарища (Л.11, лист 90).

Выпуск часов на петербургской часовой фабрике в период 1765—1768 и 1776—1779 гг.

№ п/п	Наименование	ВЫПУСК ПО ГОДАМ															
		1765		1766		1767		1768		1776		1777		1778		1779	
		кол-во, шт	ст-ть, руб.	кол-во, шт	ст-ть, руб.	кол-во, шт	ст-ть, руб.	кол-во, шт	ст-ть, руб.	кол-во, шт	ст-ть, руб.	кол-во, шт	ст-ть, руб.	кол-во, шт	ст-ть, руб.	кол-во, шт	ст-ть, руб.
1.	Карманные часы в золотом корпусе с репетиром	2	310	3	530	2	300	2	380								
2.	Карманные часы в золотом корпусе	10	562	16	967	22	1252	20	1039	2	80	4	160	2	80	1	40
3.	Карманные, золотые, с бриллиантами	1	180	2	410	1	200	1	180								
4.	Карманные, золотые, с цилиндрическим ходом					2	230	3	330								
5.	Карманные, с эмалевым циферблатом	3	205	3	202	2	140	6	494								
6.	Карманные, в серебряном корпусе	6	175	7	213	5	149	10	316	9	180	9	180	8	160	5	100
7.	Карманные, в латунном корпусе	4	100	2	58	2	52	6	131	4	72	2	36	2	36	1	18

№ п/п	Наименование	ВЫПУСК ПО ГОДАМ															
		1765		1766		1767		1768		1776		1777		1778		1779	
		кол-во, шт	ст-ть, руб.	кол-во, шт	ст-ть, руб.	кол-во, шт	ст-ть, руб.	кол-во, шт	ст-ть, руб.	кол-во, шт	ст-ть, руб.	кол-во, шт	ст-ть, руб.	кол-во, шт	ст-ть, руб.	кол-во, шт	ст-ть, руб.
8.	Стенные часы	2	160	3	240	3	240	5	425	6	240	4	160	5	200	3	120
9.	Стенные часы с боем									2	210	2	210			1	105
10.	Стенные часы с цилиндром									2	110	2	110	2	110	1	55
11.	Столовые часы									2	140	2	140	2	140	1	70
12.	Столовые часы, бюццине кандию 1/4 часа													2	210		
13.	Столовые часы с цилиндром.									1	55						
14.	Каретные часы			1	300	1	600										
15.	Верстомер					1	60	1	60								
16.	Шагомер							4	80								
ИТОГО																	
количество		28		37		41		58		28		25		23		13	
стоимость		1692		2920		3223		3420		1087		996		936		508	

В мае 1771 г. фабрика пострадала от пожара. Ущерб, причиненный ей, составил 4810 руб. К нормальной работе фабрика приступила только в 1772 г. После пожара были сделаны даже некоторые дополнительные постройки — «три покоя для чад», «каменная палата с большой печью, где отливали медь», конюшня. В октябре 1772 г. фабрику осмотрел член Мануфактур-конторы, майор Румянцев. Он представил Мануфактур-конторе подробную опись всех машин, оборудования и инструментов, имевшихся на производстве. Из описи видно, что после пожара фабрика была полностью восстановлена (Л.12, лист 8).

На фабрике постоянно возникали сложности с российскими детьми. Очевидно, условия жизни учеников были очень плохими. Большинство мальчиков с трудом привыкали к обстановке на фабрике. В записях Мануфактур-конторы имелись сведения о побегах учеников во все годы существования фабрики, о наказании их розгами, о смерти ребят. А в 1779 г. Сандо и Басилье попросили даже прислать двух солдат для караула. Вероятно, жалованье российских учеников также было невелико, и они вынуждены были искать приработок на стороне. 4 ноября фабриканты написали жалобу в Мануфактур-контору на учеников, которые «потаенно» изготавливали для частного мастера Тениуса по его заказу корпуса и циферблаты к часам из материалов фабрики. В жалобе сообщалось, что

«Андрей Медведев делал серебряный к часам корпус;

Иван Бирцев делал циферблат;

Филипп Колоколов в старые часы новые внутренние вещи (заменял механизм. — Прим. авт.);

Иван Шенгин делал стенные часы» (Л.15, лист 1, 5).

Но очевидно, что у фабрики было больше всего финансовых проблем. В 1775 г. она не смогла выплатить первый взнос в счет погашения первой ссуды, о чем было сказано выше. Мануфактур-коллегия, учитывая и трудности первых лет организации фабрики, и пожар, и смерть одного из компаньонов, перенесла оплату первого взноса на десять лет. 12 июля 1778 г. один из компаньонов фабрики — Абрам Сандо попросил выдать ему паспорт для поездки в Швейцарию сроком на пять месяцев «для некоторых фабричных надобностей и собственной своей нужды». Разрешение Мануфактур-конторой было выдано. Однако Сандо в Россию не вернулся. Сохранилась переписка Мануфактур-конторы и Петербургской часовой фаб-

рики, из которой видно, что Абрам Сандо в 1780 г. завел в Швейцарии близ Невшателя литературную фабрику (Л.16, лист 1).

По условиям контракта Товарищества, поскольку Сандо уехал «до исхода Товарищества», фабрика осталась в содержании Иосифа Басилье. Дальнейшая судьба фабрики не известна. Возможно, она существовала еще несколько лет, но не дольше, чем до конца XVIII в. (Л.16, лист 11, 18).

Последние упоминания о Московской и Петербургской часовых фабриках найдены в материалах архива 1798 г., относящихся к деятельности Петра Нордштейна — как организатора частной часовой фабрики. К этому времени Петр Нордштейн уже четыре года руководил часовой фабрикой, организованной князем Потемкиным в местечке Дубровне. В письме по поводу своей фабрики, переведенной из Дубровны в Москву, а затем в Купавну под Москвой, Нордштейн, в частности, писал в Мануфактур-коллегию, что «намерение покойного Светлейшего Князя при начальном основании фабрики сей было то, чтоб сделать опыт, в состоянии ли я найдусь установить оную соответственно обязанности моему, поелику прежде сего заведенные две часовые фабрики в Москве и другая в Петербурге, пришли в упадок». То есть Московская и Петербургская фабрики пришли в упадок еще до 1794 г., и князь Потемкин с Нордштейном хотели поставить эксперимент, можно ли в России основать жизнеспособную фабрику. Далее Петр Нордштейн в том же письме сравнивает условия контрактов, заключенных с устроителями Московской и Петербургской фабрик, и его контракта, заключенного с князем Потемкиным. Из сравнения видно, что Марку Фази и Роберту Журине было предоставлено значительно больше льгот, чем Нордштейну. Петру Нордштейну на заведение фабрики было выдано не 18 тыс., а 12 тыс.руб., причем под 5% годовых, а не безпроцентных. Кроме того, Нордштейн был обязан обучить не 12, а 30–40 человек, причем не из более или менее грамотных детей из гарнизонных школ, а совершенно безграмотных детей крепостных крестьян. Не дали Нордштейну и права выписывать из-за границы беспошлинно машины и инструменты, необходимые для оборудования фабрики. Помимо всего прочего, Нордштейн все годы должен был содержать учеников за свой счет (а не шесть лет за казенный счет как Фази или Журина). Несмотря на все это, именно фабрика Нордштейна оказалась самой жизнеспособной и просуществовала до войны 1812 г.

Проведенное исследование позволило выявить ряд ранее неизвестных фактов, касающихся Петербургской и Московской часовых фабрик XVIII в., — уточнить время их деятельности, условия заключения контрактов с правительством; получить сведения об особенностях производственных и технологических процессов, оборудовании, номенклатуре выпускаемой продукции, социальных условиях жизни и работы ремесленников. Установлены имена организаторов, учеников фабрики, а также целого ряда лиц, сыгравших значительную роль в деятельности и судьбе этих производств.

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы:

1. Производство часов на Московской и Петербургской фабриках, начатое раньше, чем во многих развитых странах Западной Европы, по существу, так и не было налажено. Даже в лучшие годы ежегодное производство часов на Петербургской фабрике не превысило 60 штук, что не идет ни в какое сравнение с аналогичным производством в Швейцарии. Только за 1793 г. женеvские часовщики изготовили 33 тыс. часов (Л.18). Достаточно высока была и цена на изделия фабрик, что делало часы недоступными широким слоям населения. Низкая производительность труда не позволяла снижать стоимость продукции, в то время как в Швейцарии к концу XVIII в. средняя цена за 1 штуку часов упала в 4 раза. В России постоянно увеличивался импорт часовой техники, фурнитуры из-за рубежа. Только с 90-х гг. XVIII в. по первое десятилетие XIX в. он увеличился почти на 50% — с 17213 до 25478 руб. серебром (Л.17). Помимо этого, потребности наиболее богатых слоев населения, по-видимому, удовлетворялись отдельными мастерскими, изготавливавшими часы по индивидуальным заказам. По данным В.Л.Ченакала, в XVIII в. в России работало около 90 часовых мастерских. Наиболее богатые заказчики предпочитали не фабричные изделия, а оригинальные часы с движущимися фигурками, необычным оформлением, различными музыкальными механизмами. Таким образом, для успешной деятельности российских фабрик, по-видимому, не сложилось соответствующих социально-экономических условий.

2. Несмотря на то что организация первых фабрик в целом не удалась, сам по себе опыт их создания может быть оценен как положительный. В первую очередь это касается обучения учеников. В некоторых зарубежных источниках встречаются суждения о якобы неспособности российских людей к столь сложному искусству, как часовое ремесло. Однако все полученные данные свидетельствуют, что обучение часовому делу простых людей шло успешно. Учениками Московской и Петербургской фабрик были солдатские дети, а на Купавинской фабрике Нордштейна обучали детей крепостных крестьян. О желании русских людей овладеть этой профессией свидетельствуют различные факты, в частности, в архиве Мануфактур-коллегии хранится жалоба купавинских ремесленников на мастера Нордштейна. Ученики считали, что Нордштейн специально не учит их изготавливать целиком часы, а показывает каждому производство только отдельных деталей (они не знали сути технологии фабричного производства часов с разделением труда. — Прим.автора). Чтобы понять, как работают часы, ученики купавинской фабрики купили готовые карманные часы, разобрали их на части, увидели, кто из них какое звено производит и как все работает вместе. В рапорте Мануфактур-коллегии они просили заставить Нордштейна обучать их так, чтобы они могли изготовить часы от начала до конца (Л.10, лист 1). Для дальнейшей работы было бы интересно выявить судьбы хотя бы некоторых учеников часовых фабрик XVIII в. Это несомненно очень трудоемкое дело может иметь большое значение, так как в литературных источниках крайне мало сведений о российских часовщиках XVIII — начала XIX в.

3. Существующие в ряде политизированных источников 30—80-х гг. оценки о бездействии правительства России и его равнодушии к развитию часового производства в стране не соответствует истине. В работе представлено много доказательств того, какими разумными были действия российской администрации по привлечению в Россию предпринимателей, способных организовать необходимое производство, — предоставление беспрошльных кредитов на значительный срок и возможность привлекать специалистов, закупать оборудование на льготных условиях, оплата обучения учеников — все это свидетельствует о позитивной роли и Екатерины II, и Мануфактур-коллегии, и других правительственных учреждений. Кроме того, даже после закрытия фабрик Мануфактур-кол-

легия заботилась о том, чтобы труд по обучению учеников не был потрачен зря. Документы, выдаваемые бывшим ученикам фабрик, разрешали их владельцам жить в любом месте России, но обязывали работать самим и обучать своих детей той профессии, которой они овладели за казенный счет. Следовательно, возможно, бывшие ученики фабрик XVIII в. основывали семейные династии во многих городах России.

Что же касается, с нашей точки зрения, недальновидных распоряжений правительства о закрытии фабрик, то, очевидно, Мануфактур-коллегия исходила из конкретных социально-экономических посылок. Вероятно, в то время не нашлось знающих российских предпринимателей, способных взять на себя руководство столь сложным производством, а доверять фабрики ремесленникам, бывшим ученикам фабрики, не имеющим финансового и организационного опыта, было, конечно, не разумно.

4. Особый интерес представляет составленный по материалам архива перечень образцов продукции фабрик. Учитывая, что в настоящее время часы Московской и Петербургской фабрик не обнаружены ни в собраниях музеев, ни в частных коллекциях, полученные сведения должны помочь в поиске и выявлении памятников техники — часов, инструментов, оборудования, относящихся к первым часовым фабрикам России. Архивные данные расширили представление о приборах времени, выпускавшихся в XVIII в. Например, выявлены сведения о шагомерах и верстомерах, бытовавших в России. Некоторые данные, полученные в результате исследования, требуют дополнительного изучения. Так, в номенклатуре изделий Петербургской фабрики указаны стенные и столовые часы «с цилиндром». Пока не ясно, о каких часах идет речь — либо о часах с цилиндрическим ходом, что маловероятно, так как цилиндрический ход применялся для карманных часов; либо о часах с музыкальным устройством, где на валике цилиндрической формы записывалась программа мелодии, либо еще о каких-то часах.

5. Работа, проведенная в Центральном государственном архиве древних актов, показала, что историей часового дела России, кроме В.Н.Пилунырова и еще двух-трех исследователей, практически никто не занимался. Эту работу необходимо продолжить, так как многие материалы архива еще не иссле-

дованы, и Политехнический музей может иметь приоритет в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦГДА (Центральный государственный архив древних актов). — Ф. 277. — Оп. 10. — Ед. кр. 476.
2. ЦГДА. — Ф. 277. — Оп. 13. — Ед. кр. 604.
3. ЦГДА. — Ф. 277. — Оп. 10. — Ед. кр. 758.
4. ЦГДА. — Ф. 277. — Оп. 13. — Ед. кр. 751.
5. ЦГДА. — Ф. 277. — Оп. 13. — Ед. кр. 354.
6. ЦГДА. — Ф. 277. — Оп. 10. — Ед. кр. 13021.
7. ЦГДА. — Ф. 277. — Оп. 13. — Ед. кр. 821.
8. ЦГДА. — Ф. 277. — Оп. 3. — Ед. кр. 997.
9. ЦГДА. — Ф. 277. — Оп. 14. — Ед. кр. 588.
10. ЦГДА. — Ф. 277. — Оп. 14. — Ед. кр. 39.
11. ЦГДА. — Ф. 294. — Оп. 2. — Ед. кр. 530.
12. ЦГДА. — Ф. 294. — Оп. 2. — Ед. кр. 538.
13. ЦГДА. — Ф. 294. — Оп. 2. — Ед. кр. 533.
14. ЦГДА. — Ф. 294. — Оп. 2. — Ед. кр. 59.
15. ЦГДА. — Ф. 294. — Оп. 2. — Ед. кр. 535.
16. ЦГДА. — Ф. 294. — Оп. 2. — Ед. кр. 543.
17. Семенов А. Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. — Ч. 3. — СПб., 1858.
18. Chenakal W.L. Watchmakers and clockmakers in Russia (1400–1850). — London: 1972.

Политехнический музей

**ФОКИНА
Татьяна Алексеевна**

101000, Москва,
Новая площадь,
д. 3/4, подъезд 1.
Тел. (095) 928-2926
Факс (095) 925-1290
Fokina@pm.isf.ru

С. н. с., хранитель коллекции часов и
приборов времени